

Четыре золотых пёрышка.

Жил однажды воробушек. Ему повезло: сама фея покровительствовала ему. Чтобы чем-нибудь отличить своего любимчика, она при рождении наградила его четырьмя золотыми пёрышками, которые ожерельцем расположила вокруг его шейки. При этом фея сказала воробью: — Это - пёрышки не простые, а волшебные. Я даю их с тем, что если мой милый крестник сильно пожелает чего-нибудь, то ему достаточно будет вырвать из шейки одно из этих пёрышек, чтобы тотчас же исполнилось его желание. Само собой разумеется, что он должен быть осмотрительным и прибегать к их помощи лишь в случае крайней нужды. В начале своего существования воробышек и не помышлял о своих чудесных пёрышках. Он весело чирикал, родители заботились о нём — отец носил пищу, мать чистила его пёрышки, ласкала птичьей лаской. Но в один прекрасный день старый воробей вернулся в гнездо с чудной, жирной личинкой в клюве и, бережно опустив её на дно гнезда, сказал, что это — пища для матери, которая должна скоро вернуться, вернётся, наверное, усталая и голодная. Сказавши это, старый воробей уселся на краю гнезда и стал поджидать жену. Какой-то странный звук заставил его быстро обернуться. И что же он увидел? Маленького воробышка, который силится проглотить толстую личинку! Отец страшно рассердился. Он сильно клюнул воробышка в темя, назвал его мерзким обжорой и пинком толкнул его вглубь гнезда. Когда вернулась мать, он тотчас же рассказал о случившемся. Воробышку было стыдно, но в то же время он злился на родителей, считая себя обиженным. Поэтому он, надутый и нахохлившийся, уселся в сторонке от родителей. „ Ах, — думал он, — как жаль, что я ещё такой маленький, что все могут командовать мною и наказывать меня по своему усмотрению! Будь я большой, никто не смел бы тронуть меня. Я делал бы, что хотел и как хотел. Сам добывал бы себе пищу и ел бы, что мне вздумалось бы. Ах, как жаль, что этого счастливого времени ещё так долго ждать! В это самое мгновение он вспомнил о своих заветных золотых пёрышках. „ Пик! — и одного пёрышка как не бывало. Воробышек сразу превратился во взрослого воробья, совершенно взрослого. У него больше не было ни отца, ни матери. Никто уже больше не журил, не наказывал его. Но зато никто также не кормил его и не заботился о нём. Но, к счастью, теперь было лето, и он в изобилии находил вкусных гусениц, легкомысленных мушек и сочные хлебные зерна. Однако время бежит быстро. Лето стало близиться к концу. Была убрана жатва, свезён хлеб. Гусеницы превратились в бабочек, значительно поубавилось мух и комаров. Зато птиц значительно прибавилось. Чтобы добыть себе хоть какой-то пищи, приходилось

вставать рано-рано и долго охотиться наперегонки с другими жадно раскрытыми клювами. Это пришлось уже не по вкусу воробышку. В один далеко не прекрасный день, когда ему удалось словить лишь одну несчастную стрекозку, воробышек в отчаянии воскликнул: — Ах, эти скверные, жадные, птицы! Хоть бы все они пропали до одной! С этими словами, он ожесточённо выдернул второе золотое пёрышко. Пришла осень. Холодный ветер злобно свистел и срывал с деревьев поблёкшие, охваченные морозом уборы. Почти все пернатые улетели в тёплые края. Стало пусто без них, умолк их весёлый гам... Лишь одна небольшая стая воробьёв осталась зимовать осёдло. Но исчезли не только птицы — исчезли и насекомые, и ягоды, и сочные корешки.. Как ни мало требуется пищи воробышкам, но и ту нередко с великим трудом находили они. С великим трудом удавалось им поддерживать своё скудное существование. Исчезли птицы. Но исчезло и смеющееся, ликующее солнце, исчезла сама жизнь. Воробышку стало грустно. Ветер день ото дня становился злее и холоднее. Однажды ночью он дул с такою силою, что чуть было не снёс воробышка с гнезда. Еле-еле удержался он и всем тельцем приник к самому дну гнезда. На следующее утро, приводя в порядок свой туалет, он заметил, что ветер вырвал одно из его золотых пёрышек. Осталось лишь четвёртое — последнее. Наступила зима. Стало ещё хуже. Ветер, правда, стих, но земля вся сплошь покрылась холодным, белым покровом. Ни зёрен, ни насекомых не было. Даже хлебные крошки, которые разбрасывали дети, — и те пропадали в большинстве случаев в снегу. А между тем воробышек не решался выдернуть своё последнее пёрышко. Он так нелепо, лишился остальных! А между тем счастья ему это не дало. Наоборот... Раз вечером, когда он уже собирался забраться в своё гнездо, он услышал вдруг жалобное чиликанье снизу: "Пью!.. Пью!.." Воробышек поспешно слетел вниз и нашёл там бедного снегирька, окоченевшего от стужи. Беднягу почти занесло снегом, осыпавшимся с дерева, и он тщетно старался высвободиться, отбиваясь окостеневшими лапками. Воробышек остановился в раздумье и лишь в замешательстве почёсывал себе головку лапкой. „Как быть? — думал он!— Поднять его до гнезда — не хватит моих сил. Звать других воробьёв? — все уже спят, давным-давно не дозовёшься. Да и как его оставить одного? Он в это время, наверное, замёрзнет". И вдруг внезапная мысль осенила воробышка.— Пусть явится что-то живительное, тёплое, способное спасти бедного снегиря! — воскликнул он, после чего поспешно выдернул последнее золотое пёрышко. И вдруг повеяло откуда-то теплом, из-за серой завесы неба прорвался тёплый, солнечный луч и ударил как, раз в то место, где были обе птички. Вскоре стали таять снег, потекли ручейки,

зазеленела земля, пробились робкие фиалки и стыдливые подснежники; проснулись, закружились в воздухе мухи, затолклись комары, пчёлы-хлопотуньи зажужжали. Весна пришла, снегирь ожил, окреп начал летать с воробышком. И воробышек никогда не чувствовал себя таким счастливым, как теперь. В последнем выраженном им желании он позабыл о себе, но никогда ещё не чувствовал он себя таким удовлетворённым и довольным. Он приобрёл друга. Теперь они были связаны уже не разрывною дружбою до конца своих дней. Воробышек не жалел о последнем вырванном пёрышке.

